

Волгарь. Н. Новгород.

1895. 23 марта. № 81.

С. 1

Журнальное обозрение

1111/

жест упрекнуть ни себе, ни Николаю. Но муж ее судить не так; его преследуют видения и, наконец, истерзанный нравственно, он отправляется... Ему надо искупление, ибо «всёное злодейское дело должно быть искуплено»... И что составляло для Дамы врасу жизнь, то для него именно, гадко... Похоть повисает восклицанием Дамы: — И она слышит эти маньяки своего мужского высокомерия и жалкого резонерства считать насъ низшими существами, облачать насъ въ томъ, что у насъ своя низменная женская совесть! Лучше быть совсемъ безъ совести, чѣмъ не знать страсти, не знать ее повторговъ, не знать единой радости жизни, единой и всеисцеляющей...

Слышимъ, жалкіе маньяки! вы никогда не поймете этого!

Маленькій рассказъ «Дружба» Зудермана въ томъ же журналѣ затрогиваетъ вопросъ о дружбѣ мужчинами и женщинами. Молодая женщина, несчастливая въ бракѣ съ холодинами, угрюмыми мужемъ, становится добрымъ гениемъ, руководительницей юноши — художника. Изъ сближаетъ дружба. Юноша боготворитъ Гедвига, которая сдѣлала для него все, помогла развернуться его таланту, поставила его на ноги... Гедвига становится вдовой, удаляется въ Ниццу. Художникъ прилетаетъ въ ней и утѣшаетъ ее въ любви... Гедвига, ставшая любящей юношу, умоляетъ его не портить тѣсной дружбы...

— Съ той минуты, говорить она, — съ которой мы захотѣли пожинать любовь тамъ, гдѣ мы посѣяли дружбу, обаяние будетъ разрушено... До сихъ поръ и была для насъ все, съ этой минуты и буду для насъ... еще одна!..

И черезъ годъ, действительно, юноша исчезъ, и Гедвига грустно шепчетъ: «еще одна!»

Въ «Рус. М.» закончился рассказъ А. И. Чехова «Три года». Вторая половина рассказа провозглашаетъ неудовлетворительное впечатлѣніе непроработанности. Действие идетъ нѣтъ то скачками. Т. Юлія Сергѣевна ненавидитъ мужа, а онъ бѣснуется, ревнуетъ, молить хоть неври любви, а въ концѣ рассказа онъ равнодушенъ, и въ сердцѣ супруга разгорается огонь страсти вѣрной... Центральной фигурой является Лаштевъ, невольничий воспитаніемъ...

Вотъ что онъ говорить брату Федору, повелевающему свой купеческій родъ.

— Что намъ даять этотъ твой именитый родъ? Какіе перны и вакую крѣнь мы получили въ наследство? Посмотри на меня... Какъ молоскъ, мозглакъ ка-кой-то, ни гнѣбности, ни смѣлости, ни

сильной воли, а боюсь за каждый свой шагъ, точно меня выпорать; а робѣю передъ ничтожествами, идютами и свотами, стоящими несмѣлѣннѣе мене ума, и пристрастнѣе; а боюсь дворянство, швейцаровъ и полныхъ дамъ; а за границей и кожу, какъ виноватый... Я родился отъ затравленной матери, съ дѣтства я забить и запуганъ...

Братъ Федоръ заболѣваетъ прогрессивнымъ параличемъ, отецъ ослѣпъ и Лаштевъ рѣшается вѣзти за невинное по вѣдомствамъ дѣтство торговое дело своимъ... На мгновение въ немъ загорается рѣшимость бросить все это миллионное дело, въ которому не лежитъ душа, и бѣжать, по пожеланію что быстро проходить...

— Что держать меня здѣсь? спрашиваетъ онъ себя и отвѣчаетъ: привычка къ неволѣ, работѣ...

— Жизнь наша кончилась, говорить онъ жентъ, собираясь перейти въ домъ отца и встать во главѣ своимъ: начинается полужизнь изъ скуки...

Въ той же книжкѣ танетъ повѣсть Салова «Пратка жизни». Бабушка и...

1111/

Ж-Н